

Мащенко И.В. Из наблюдений над словообразовательной структурой ориентированных топонимов в русском языке // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. Вып. 13. С. 87–93.

Мельникова А.И. Новые типы сложных существительных без соединительных гласных в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1962.

Молошная Т.Н. Двухкомпонентные субстантивные образования апозитивного типа в славянских языках // Структурно-типологические исследования. М., 1973. С. 87–90.

Никонов В.А. Славянский топонимический тип // Географические названия. М., 1962. С. 17–32. (Вопросы географии. Сб. 58).

Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М., 1983.

Роснопо С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 9–90.

Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.

Силина Г.Я. Географические названия. Л., 1980.

Vasmer M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung // Preussische Akademie der Wissenschaften: Vortage und Schriften. Berlin, 1941. Hf. 5. S. 22–25.

Е.Л.Березович, И.В.Родионова

Библейские “локативы” в народной языковой картине мира (на материале русской диалектной лексики и топонимии)

Данная статья посвящена этнолингвистическому описанию концептов народной духовной культуры, отраженных в русской диалектной лексике и топонимии. Изучаемый материал (лексика христианской традиции, послужившая базой для вторичной номинации в русских народных говорах) задает определенный угол зрения на объект исследования – выявление особенностей “профанного” бытования “сакральной” информации, логики трансформации образов христианской религии в народной среде. Лексика христианской религии довольно обширна, поэтому для анализа избрана компактная группа – наименования пространственных объектов (“локативы”), функционирующие в христианской традиции. В эту группу входят следующие производящие лексемы: Вавилон, Голгофа, Елеон, Иерусалим, Иордан, Палестина,

Синай, Содом. Представляется допустимым включить сюда же оппози-
ты **ад** и **рай**, хотя это не лишено известной доли условности: в право-
славной традиции слова **ад** и **рай** не только выступали в локативном
значении, но и употреблялись для характеристики внутреннего мира
человека, ср.: **ад** – “ад духовный, духовная темнота, греховное состоя-
ние души” (БЭ, 28), **рай** – “блаженное состояние души”, “Царство Бо-
жие внутри” (БЭ, 594).

Используемый в статье материал включает 2 пласта: во-первых,
апеллятивную лексику русских народных говоров, извлеченную из
диалектных словарей (в отдельных случаях привлекались и факты ли-
тературного языка, выборочность использования которых объясняется
тем, что они могут отражать книжную традицию); во-вторых, данные
топонимической картотеки кафедры русского языка и общего языко-
знания Уральского университета по территории русского Севера
(Архангельская, Вологодская, частично Костромская области).

При анализе материала мы исходим из того, что существующие в
народном сознании представления о тех или иных библейских про-
странственных объектах могут иметь разную структуру: некоторые яв-
ляются монообразами, основанными на одном устойчивом мотиве;
другие включают в себя несколько мотивов, которые либо складыва-
ются в единую картину, либо задают разнофокусные изображения со-
ответствующего ментального образования. Мотив понимается как се-
мантический инвариант, объединяющий ряд лексем и являющийся ли-
бо элементом ядра значения, либо семантической периферии слова.

Таким образом, поставленные в данном исследовании задачи ре-
шаются путем описания набора мотивов, реализующих стереотипные
представления о том или ином библейском пространственном объекте.

ВАВИЛОН. Ментальный образ, связанный с этим библейским
топонимом, не обладает внутренней целостностью, распадаясь на не-
сколько разнородных представлений.

1. Большое строение, возвышенность.

Данный мотив реализуется в следующих диалектных лексемах:
вавилонь ‘большой дом, большая постройка’ (СРНГ IV, 8; СРДГ I, 57),
‘большие погреба, вырытые ходами в буграх, по сторонам хода ледни-
ки с ларями, где солится и укладывается красная рыба для отправки’
(Даль I, 159; СРНГ IV, 8), ‘скопление камней, валунов, искусственно
сложенные в виде концентрических колец древними обитателями
Кол ского полуострова, Карелии, Поморья, имеющие какое-то риту-
альное значение’ (Мурзиев, 109). Ср. в топонимии: часть д. **Вавилон**
(мотивировочное значение: *На горе стоит, вот и Вавилон* – Арх: Лен,
Цылиба).

Вероятно, данные номинации мотивированы существующим в
народном сознании образом Вавилонской башни.

2. Извилистость, узорчатость, изощренность.

Данный мотив представлен в следующих номинациях: **вавилёны** (устар., разг.) 'вычурный узор (преимущественно в виде извилин, кривых, ломанных линий)' (ССРЛЯ-2 II, 11), 'плохое письмо с криволинейными строками' (Даль I, 159); **вавилонами** (идти, двигаться и т.п.) 'не по прямой линии, зигзагами, кругами' (ССРЛЯ-2 II, 11); **вавилёны** (вензеля) писать 'идти шатаясь, заплетающейся походкой' (ССРЛЯ-2 II, 11; Михельсон I, 90); **выводить** (разводить) **вавилёны** языком, **говорить с вавилёнами** 'говорить намеками, обвиняками' (ССРЛЯ-2 II, 12); **вавилён** 'изгиб реки или дороги' (Мурзаев, 109), **вавилёнить** 'плыть на лодке зигзагами' (СРГК I, 158), **вавилёнистый** 'извилистый, с изгибами' (СРНГ IV, 8), 'узорчатый, расписной' (Кондратьева, 33) **вавилёничек** 'гроздя жемчуга, свисающая по краям нарядного головного убора' (ЛК СТЗ).

Скорее всего перед нами та ситуация, когда первоначальное представление, соотнесенное с вавилонским образом, в дальнейшем развивается преимущественно за счет внутриязыковых факторов – процессов формальной аттракции. Тогда выстраивается следующая семантическая ретроспектива: исходной можно считать идею роскоши, излишества, которая, вероятно, соотносилась с Вавилоном как символом богатства и безразличности, каковым он является в библейской традиции; эта семантика отчетливо представлена в рус. лит. **вавилон** 'о большом городе с его суетой, соблазнами и пороками' (ССРЛЯ-2 II, 11). В значениях диалектных лексем отсутствует "духовный план", а сама идея роскоши и излишества материализуется в визуальных образах украшений и узоров. В ходе эволюции значений аннулируются смыслы пышности, богатства, однако дальнейшее развитие получают геометрические образы извилистых зигзагообразных линий, загибов и т.п. Очевидно, это можно объяснить явлением формальной аттракции: произошло притяжение внешней оболочки лексемы **вавилон** к словам с корнем **вил-** (**вылить**, **извилистый** и т.п.).

Заканчивая анализ номинаций, в основе которых – лексема **вавилён**, следует отметить ряд топонимических фактов, которые не соотносятся с выделенным выше смысловыми доминантами, ср.: поле **Вавилён** (Арх: Он, Порог), поле **Вавилёны** (Арх: Он, Усолье), лес **Вавилёнка** (Арх: Шенк), бол. **Вавилёнокское** (Арх: К-Б). Данные топонимы не являются обозначениями возвышенностей или речных излучин; в то же время характерно, что называемые ими объекты расположены около деревень, в которых есть церкви. Можно предполагать, что перед нами результаты символической номинации, при которой значимым является сам факт религиозной (культовой) маркированности объекта. Это подтверждается семантической микросистемой поле **Вавилён** – поле **Иерусалимы** (объекты расположены около онежской деревни Порог).

В то же время сравнительно невысокая степень использования "вавилонов" в топонимии говорит об ономастологической неотработанности этих моделей, что подтверждается возможностью народно-этимологических трансформаций, ср. название берегового участка **Валивон** с мотивировкой *песок так и валит вниз* (Арх: В-Т, Сефтра), которое, очевидно, является переработкой исходного ***Вавилон**.

ГОЛГОФА. Образ Голгофы не отражен в диалектной лексике; в словарях современного русского литературного языка соответствующая лексема появилась недавно (1991 г.): **голго́фа** 'о месте тяжких испытаний; о тяжких испытаниях, страданиях, претерпеваемых кем-либо' (ССРЛЯ-2 III, 186-187). Это говорит о книжном характере данного слова. Интересно, что образ Голгофы представлен в топонимии, однако есть основания предполагать, что вторичные топонимы такого рода были созданы монахами. По крайней мере, это можно утверждать относительно двух из трех топонимических "голгоф", зафиксированных на территории русского Севера. Одна из гор с таким названием находится в непосредственной близости от Соловецкого монастыря – на Соловецком острове Анзер; вторая (ее название имеет форму мн.ч. – **Голго́фы**) – у с. Юношеское в Грязовецком районе Вологодской области, где когда-то был монастырь. О существовании монастыря говорит название г. **Скит**, расположенной в нескольких десятках метров от г. **Голго́фы**. Топоним **Голго́фы** имеет следующую мотивировку: *Был монастырь, монахи эти горы насытали, вот и Голгофы; Говорят, эти горы насытые. Монахи местного монастыря наносили их подолами. Как курганы могильные горы эти* (Влг: Гряз, Юношеское). Относительной третьей из севернорусских "голгоф" известно только то, что этот топоним обозначает, опять-таки, возвышенность (Арх: Уст).

Итак, топонимические "голгофы" являются, скорее всего, результатами символической номинации; отсутствие "голгоф" в диалектной лексике указывает на книжный характер данного образа.

ЕЛЕОН. Образ Елеонской горы (Елеона) не отражен в диалектной лексике, однако имеется одна топонимическая фиксация: г. **Елеон** у д. Лопшеньга (Арх: Прим). Гора расположена недалеко от Соловецких островов – на территории, где ряд объектов, по всей видимости, был номинирован соловецкими монахами. Интересно, что около находящейся по соседству с Лопшеньгой деревни Летний Наволок есть г. **Синай**. Очевидно, вторичные топонимы **Елеон** и **Синай** можно считать результатами символической номинации, воплощающей некий прецедентный образ горы.

ИЕРУСАЛИМ. Как и в предыдущем случае, образ Иерусалима не представлен в апеллятивном материале, но достаточно широко отражен в топонимии (21 топоним на территории русского Севера): пок. **Ерусали́м** (Арх: Он), поле **Ерусали́мы** (Влг: Ваш), поле **Иерусали́м** (Арх: В-Т) и др. Показательно, что в нескольких случаях "иерусалимы" рас-

положены около деревень, где есть или раньше были церкви (на это иногда указывают сами названия деревень): поле **Иерусали́м** у д. **Тро́ницкая** (Арх: В-Т), пожня **Ерусали́мы** у д. **Покро́вское** (Влг: Вап) и др. В этих случаях **Иерусали́м** – результат символической номинации, отражающей связь объекта с культовым сооружением. Данное положение подтверждается тем, что “слово Иерусалим в переносном смысле означает и вообще Церковь Божию – Христианскую, ветхозаветную и новозаветную” (БЭ, 334–335). Одно из полей с названием **Иерусали́м** расположено недалеко от поля **Вавило́н**, что подчеркивает символическое звучание топонима (Арх: Он, Порог).

Однако мотивационные контексты указывают на возможность другой мотивировки: *Ерусали́м – самая дальняя пожня у нас, до ей далеко, как до Ерусалима* (Арх: Уст, Строевское). Около этой пожни находится пожня **Палести́на** – и этот семантический ряд актуализирует прототипическую библийскую ситуацию. Таким образом, **Иерусали́м** в топонимической номинации может быть мотивирован признаком удаленности объекта (такой же мотивирующий смысл лежит в основе вторичных топонимов типа **Аме́рика**, **Камча́тка**, **Сибирь** и т.п.).

ИОРДАН. Прототипический образ палестинской реки Иордан, где Иоанн Креститель крестил Христа, воплотился в номинациях, отражающих ритуальное воспроизводство этого акта, ср. *но́рдань* ‘особо приспособленное для церковного обряда освящения воды место на реке, озере ли пруде’ (ССРЛЯ V, 442), *но́рдан* (*ирда́н*, *ирда́нь*) ‘то же’ (СРНГ XII, 207; Мурзаев, 235), *ерда́н* (*ё́рда́н*, *ерда́нь*) ‘прорубь, в которой освятили воду в день Крещения’ (СРНГ VIII, 368; СРГНО, 146; СРГП, 83; ЛК СТЭ). Прозрачна образная основа ряда водных микро-топонимов, образованных от лексем *но́рдан*, *ерда́н* и т.п., ср.: руч. **Иорда́нка** *у ручья церковь была, иорданы делали зимой, воду крестили* (Влг: Устюж, Лычно), руч. **Иорда́н** – *ходили купаться, Иордан называли, часовенки раньше были* (Арх: Плес, Мозолово), родник **Иорда́нь** – *на роднике была поставлена часовенка, там служили молебн* (Арх: Карп, Ловзанга), родник **Ерда́н** – *там стояла ну как круглая избушечка, на столбах построена, там пог еще мечет крест* (Влг: Баб, Дийково) и др.

Дальнейшее развитие значение ‘источник со святой водой’ направляется исключительно логикой метонимического переноса, при этом могут быть актуализированы различные компоненты: а) *святая вода*: *ерда́нь* ‘святая вода, взятая из освященной проруби – ердани’ (ЛК СТЭ), *ирда́нка* ‘святая вода’ (СРНГ XII, 207), *ерда́нь*, (*но́рдань*) ‘праздник Крещения’ (СРНГ VIII, 368; СРГСУ I, 204), *ерда́нь* ‘купель’ (СРНГ VIII, 268) и др.; б) *водный источник*: *ерда́н* (*ё́рда́н*, *ерда́нь*) ‘прорубь вообще’ (СРНГ VIII, 368; ЛК СТЭ), *ерда́н* (*ё́рда́н*, *ерда́нь*, *но́рдань*, *ирда́нь*) ‘прорубь для подледного лова рыбы’ (СРНГ VIII, 268; СРГП, 83, 108; ЛК СТЭ), *ерда́н* (*ё́рда́н*) ‘омут; глубокое место, яма в реке, на болоте’ (ЛК СТЭ) и др.

Таким образом, ментальный образ Иордана лежит в русле библейской традиции (иордан во вторичной номинации – источник со священной водой, используемой, в первую очередь, для крещения). Однако семантическая эволюция соответствующих лексем идет не по пути углубления исходного представления, но направляется сугубо внутриязыковыми факторами – логикой переносов по смежности, что в какой-то степени свидетельствует об утрате актуальности исходного образа.

ПАЛЕСТИНА. Вторичные номинации, в основе которых – библейский топоним, обозначающий Святую Землю, демонстрируют актуальность именно локативного компонента семантики. Однако – так же, как и в случае с **вавилон**, – семантическое развитие идет не только и не столько за счет разработки исходного библейского образа, сколько вследствие активизации внутриязыковых связей в ходе различных процессов паронимической аттракции. Выделяются следующие варианты локативной семантической доминанты.

1. Родная земля, родина.

Данный мотив реализован в следующих номинациях: **палестина** 'отечество, отчизна, родина, родные домашние места' (Даль III, 11); в наших **палестинах** 'у нас на родине' (Михельсон II, 4). Данное значение особо отмеченного, ценностно воспринимаемого пространства обнаруживает тесную связь с исходным библейским образом Земли Обетованной, места, избранного Богом для Своего народа. Семантика "родного" дает следующую ступень развития значения ('родное' → 'род, порода'), ср. **волчья палестина** (*бран.*) 'волчья порода' (СРНГ XXV, 167).

2. Местность, участок земли

Ср. лексемы: **палестина** 'местность, край; о большом пространстве, о большой полосе (земли, леса, покоса и т.п.)' (ССРЛЯ IX, 55-56); 'участок земли' (СРНГ XXV, 167); **палестинка** (*обл.*) 'красивое, приятное местечко в лесу, лесная поляна' (ССРЛЯ IX, 167; СРНГ XXV, 167; ЛК СТЭ); 'небольшой участок земли' (СРНГ XXV, 167); 'тропинка в лесу' (СРНГ XXV, 167). Ср. в топонимии: поляна **Палестина** (Арх: Вель; Уст), поле **Палестинки** (Влг: Сямж), поле **Палестины** (Арх: Вил) и др. Данные значения появились в результате утраты компонента "особой отмеченности" локуса, представленного в значениях 'родина', 'отечество'. Показательно, что в результате семантической генерализации лексема **палестина** обозначает преимущественно открытые пространства. Это подтверждается топонимическими данными: все имеющиеся в нашем материале топонимы (около 20) называют поля и поляны. Очевидно, имело место вторичное сближение **палестина** → **поле**. Семантика открытого пространства могла быть "наведена" также аттракцией **палестина** ↔ **пластина** 'участок земли, полоса пашни' (СРНГ XXVII, 89, ср. также **пласт** 'земельный участок' (СРНГ XXVII, 84);

это же сближение дает сему ограниченности территории. Наконец, нельзя отрицать, что значение ограниченного открытого пространства могло быть "спровоцировано" аттракцией *палестина ↔ лепестина* 'полянка' (ЛК СГЭ). Рефлекс связи с исходным представлением следует усмотреть в том, что в семантике данной группы лексем иногда сохраняется мелиоративный компонент ('красивое, приятное местечко').

Интересно, что в топонимическом употреблении (точнее, в актах топонимической мотивационной рефлексии по поводу названий полей *Палестина*, *Палестинка* и т.п.) может воссоздаваться более богатый и проработанный образ. Выделяются следующие мотивы: а) *урожайное место* – *богато поле, хорошо родит, как в Палестине* (Арх: Вил. Фоминская). Данная мотивировка, вероятно, базируется на представлении о Палестине как о сказочно прекрасной стране; б) *земля с неплодородной, песчаной почвой* – *водосочь там, песочек, а он жируи, неплодородной* (Арх: Вель, Никифорова). Этот мотив, полярно противоположный предыдущему, генетически связан, по всей видимости, образом палестинских пустынь; в) *выгоревшее место, пожога* – *деды наши лес там вытащили, а потом вырубили, вот и зовется Палестина* (Арх: Вель, Ежеская). Для объяснения этого мотива вновь приходится говорить о паронимической аттракции: в данном случае несомненно притяжение *палестина ↔ паль*.

Однако мотивационная рефлексия такого рода редка; типичным для топонимии можно считать сугубо номинативное употребление данной тоноосновы, что подчеркивается ее функционированием в составе сложных топонимов типа *Мишина Палестина*, *Ванькина Палестина* и т.п.

Таким образом, прототипический образ Земли Обетованной трансформируется в представление о родине, отечестве, а затем – о каком-либо открытом пространстве (иногда – мелиоративно воспринимаемом). В некоторых случаях (ср. топонимические мотивировки) может осуществляться конкретизация представления, однако она не лежит в русле библейской традиции (восстанавливаются такие свойства, которые неактуальны для библейского текста). Необходимо отметить также значительную роль процессов паронимической аттракции в ходе трансформации исходного образа.

СИНАЙ. Этот библейский топоним (так же, как *Елеон*, *Голгофа*, *Иерусалим*) не стал основой для вторичной номинации в русских народных говорах, однако зафиксирован в севернорусской топонимии: г. *Синай*, у д. Летний Наволок (Арх: Прим). Как говорилось выше (см. *Елеон*), данный топоним входит в семантический ряд с названием г. *Елеон*, расположенной неподалеку, являясь результатом символической номинации.

СОДОМ. Семантические дериваты от этого библейского топонима абсолютно лишены локативного компонента семантики. Уже в

библейской традиции Содом (наряду с Гоморрой) стал *символом греха и порока* (БЭ, 665) – и этот мотив прослеживается в современном русском литературном языке, ср. *содом* ‘безнравственность, распущенность, разврат’, *содомный* ‘развратный, греховный’ (ССРЛЯ XIV, 134), но отсутствует в русских народных говорах. Шире распространены в литературном языке и основными для говоров являются более внешние (по отношению к духовному миру человека) мотивы *беспорядка, суматохи и брани, ссоры*, ср.: *содом* ‘шум, беспорядок, суматоха; шумная, буйная толпа’ (ССРЛЯ XIV, 134), ‘скандал, ругань’ (Меркурьев, 147), *содомить* ‘шуметь, кричать; ссориться, браниться’ (ССРЛЯ XIV, 134), *содом* (*содома, содомнишка, содомница*) ‘детвора’ (ССРНГ, 533), *содомитник* ‘шумная буйная толпа’ (СРГСУ VI, 37), *содомный, содомливый* ‘шумный, крикливый’, *содомщик* ‘сварливый орала, затейщик ссор’ (Даль IV, 260) и т.п. Выбивается из этого ряда значение лексемы *содомница* ‘блюдо из солода с ягодами’ (ЛК СТЭ), ключ к ономаσιологической интерпретации которого можно найти в контексте: *Кипришиху делали из солода, ягоды накладут и хлебали – это содомница. Содомят из-за нее* (Арх: Вил, Шиловский Починок). Кипришиха (*содомница*) была лакомством, поэтому из-за нее ругались (*содомили*).

Интересны вторичные топонимы на базе исходного Содом; в нашем материале имеется 7 микротопонимов, обозначающих сельскохозяйственные угодья или леса: пок. *Содом* (Влг: М-Реч), лес *Содомиха* (Костр: Нея), пок. *Содомники* (Арх: Кон), полосы в поле *Содо́мы* (Арх: Уст) и др. Мотивационные контексты для этих названий отсутствуют, однако можно предположить, что данные топонимы в ономаσιологическом плане аналогичны весьма распространенным наименованиям типа *Спо́рное, Брани́ха* и т.п. которые обычно обозначают урочища, находящиеся на границах земельных угодий разных хозяев, боровшихся за право обладания соответствующими участками. Таким образом, вероятно, топонимический *содом* ‘место, из-за которого спорят (*содомят*)’.

Перейдем к анализу вторичных номинаций на базе оппозиции *рай – ад*.

РАЙ. Концепт рая, существующий в народном сознании и эквилибрируемый из языковых данных, достаточно целостен, хотя и многопланов. Он соединяет в себе, в частности, мотивы, отражающие как “внешние впечатления” от рая (например, визуальные характеристики), так и внутренние психологические состояния, связанные с последним.

1. Представления о свойствах рая.

А. Многоцветный, яркий. Прежде всего следует привести номинацию *рай-дуга* ‘радуга’ (Даль IV, 56; Опыт, 188; ЛК СТЭ). Несмотря на то, что данная лексема – результат вторичного сближения *рай ↔ раду-*

га, ее появление весьма симптоматично и основано, в первую очередь, на признаках многоцветности, яркости. Кроме того, возможность этого сближения подкрепляется устойчивым представлением о радуге как о знамении Божьем (СМ, 330–331) и о дороге в рай. Семантическая близость лексем **радуга** и **рай** проявляется также в том, что они развивают изосемантические переносные значения, ср.: **раёк** 'радужная оболочка глаза, радужка' (ССРЛЯ XII, 84).

Выделенный мотив развивается также в следующих номинациях: **рай** 'всякое граненое стеклышко, показывающее предметы в радужных цветах, стеклянная призма' (Даль IV, 56), **райки** 'радужные окоемки предметов, разноцветные лучи или отраженье' (Даль IV, 56), **райсбора** 'сборка, оборочка подола юбки из мягкой ткани' (ср. контекст: *любят, чтоб райсборы цветастыми были; вся красота в юбке, когда райсбора красивая*) (Элиасов, 350).

Особого комментария требует лексема **раёк** 'ящик с увеличительными стеклами для рассматривания картинок, показ которых (на ярмарках XVIII–XX вв.) сопровождался особыми пояснениями; кукольный театр' (ССРЛЯ XII, 84; Даль IV, 56). Помимо идеи многоцветности, яркости в основе этих значений лежит метонимический перенос 'содержание зрелища' → 'арена, где разворачивается зрелище', ср. гипотезу А.Н.Веселовского, согласно которой название **раёк** произошло от разыгрываемого в кукольном театре "райского действа", т.е. показа сцен с Адамом и Евой при помощи разрисованных неподвижных фигур. Постепенно "райское действо" вытеснилось комическими эпизодами, картинами светского содержания (излагается по: Некрылова 1988, 55–56).

Б. Верхний, находящийся сверху. Данный признак реализуется в номинации **раёк** 'верхний ярус в зрительном зале театра' (ССРЛЯ XII, 84). Эту лексему авторы словаря современного русского языка считают омонимичной к рассмотренной выше (**раёк** 'ящик с увеличительными стеклами...'; 'кукольный театр'), однако генетически они, безусловно, связаны. Значение 'верхний ярус в театре' появилось в результате забвения прежней мотивационной обусловленности и появления новой мотивировки за счет актуализации признака 'положение сверху'.

Возможно, сходный номинативный признак лежит в основе названия горы **Раёк** (Арх: Холм).

В. Теплый, солнечный. В первую очередь следует привести лексему, напрямую указывающую на этот признак: **райский** 'теплый, находящийся на пригреваемом солнцем месте' (ЛК СТЭ). Контекст показывает, что данное значение вполне номинативно, нейтрально и не может быть выведено только из общих мелиоративных коннотаций, характерных для лексемы **рай**, – *в райском месте быстрее вырастает*. Признак 'теплый' заложен также в семантике слова **рай** 'овин, рига' (Даль IV, 56), ср.: **теплина** 'костер, разводимый в овине для сушки снопов'

(ЛК СТЭ). Вероятно, в этот же ряд следует включить лексему **райник** 'огороженное место, где держат телят' (Элиасов, 350).

В плане семасиологических параллелей интересно отметить, что признак 'теплый', мотивирующий рассмотренные выше номинативные единицы, отчетливо выступает в семантике рус. диал. (влг) **вырец** 'рассадник, парник'. Это слово В.А.Меркулова соотносит с лексемой **выреи** (**ирей**, **ирий**) 'теплые страны', 'южные края, куда птицы улетают зимой, сказочная страна' (о последнем см.: Фасмер II, 137–138), предполагая для **вырец** исходное значение 'теплица' (Меркулова 1993, 196).

Г. **Реалии, связанные с раем (райское дерево)**. В эту группу следует включить наименования, отражающие мотив райского дерева – дерева из Эдемского сада, ср.: **рай-дерево** 'алтайская душистая осокорь'; 'пахучий тополь *Populus Laurifolia*'; 'сирень' (Даль IV, 56); **рай-дерево (райское дерево)** 'клещевина' (Даль IV, 56); **райна (райина)** 'тополь пирамидальный' (СРДГ III, 81).

В основе данных номинаций – мелиоративно воспринимаемые свойства реалий (красивый внешний вид, приятный запах и т.п.).

2. **Характеристики человека (психические состояния: "блаженство")**.

Мотив блаженства, "райского состояния души" (ср. **рай** 'радость, блаженство' – ССРЛЯ XII, 560), производный от мотива особой близости к Богу, в свою очередь, порождает значение аномальности, а затем – интеллектуальной неполноценности (переход 'блаженный' → 'сумасшедший' хорошо известен, ср. семантику лексем **блаженный**, **юродивый** и др.), ср.: **раич** 'юродивый; межеумок, полудурок, ненормальный; дурак' (ЛК СТЭ), **райка** 'межеумок; дура' (ЛК СТЭ). К этому же ряду можно отнести слово **райт** 'ходить, искать чего-то без сознания', а также производное от него **райха** 'тот, кто раит' (ДО, 228), поскольку здесь речь идет о пребывании в некоей прострации, предполагающей отрешенность от земного и обращенность к небесному. Заметим, что второе значение слова **райха** 'скородел' (ДО, 228) является результатом дальнейшего развития негативных коннотаций, заложенных в семантике исходного слова.

Таким образом, каноническое представление о рае как "блаженном состоянии души" (БЭ, 594) весьма негативно осмысливается народным сознанием, сменяясь представлением о неадекватности отражения человеком реальной действительности, а отсюда – о его интеллектуальной неполноценности.

3. **Общая позитивная оценка.**

Вторичные номинации с оценочной семантикой выражают коннотативные смыслы 'хороший', 'веселый', 'красивый', 'приятный' и т.п. Ср.: **райский** 'доставляющий радость, удовольствие, благодатный'

(ССРЛЯ XII, 562), *израй'ительный*¹ 'погожий, прекрасный (о дне)' (СРНГ XII, 167), *рай* идет 'очень хорошо, весело'² (СРНГНО, 459), *рай* 'о красивой местности, о месте, где можно счастливо и безмятежно жить' (ССРЛЯ XII, 559), *рай* земной 'красивая, здоровая местность' (Михельсон II, 174).

Такого же типа коннотации имеют топонимы, образованные на базе апеллятива *рай*, ср. мотивировки: *покос Рай* есть, уж там очень хорошо, избытки по берегу, место красивое, родник там недалеко (Арх: Нянд, Лужная); *деревня Рай* – хорошая в природных отношениях (Арх: Вил, Меньшая); *место красивое, вот и Раёк* (Арх: В-Т Горка); *урочище Рай* называли, потому что и сенокос, и озеро с рыбой, и речка – все рядом (Арх: Шенк, Шахановская). Возможно, аналогичная мелиоративная семантика отражена и в микросистеме д. *Хоро́шая* – хут. *Ра́й* Мёсто (Костр: Меж, Никола). Следует отметить, что топонимический *рай*, помимо "созерцательной" идеи красоты, может воплощать коннотативные смыслы связанные с оценкой хозяйственных свойств объектов (вследствие общей прагматической направленности топонимии).

4. Связь с обрядом.

Особую группу составляют слова, относящиеся к терминологии свадебного и дожинального обрядов. Первая представлена лексемой *ра́йко* 'женатый участник свадьбы (кто?) со стороны жениха' (Гура, 159); вторая – словом *раёк* 'последний сноп; дожиночный венок; дожиночная песня; конец жатвы' (Терновская, 115).

Интерпретация данных фактов затруднительна, так как лексека, принадлежащая к *termina sacra* и имеющая в своей семантической структуре мифологический обрядовый компонент, "синсемантична" (не в смысле сильного управления, а в семиотическом плане) и может быть понята не в соотношении с конкретным денотатом, а в знаковом контексте целого обряда, становящегося ключом, кодом к пониманию отдельных его элементов. Подчиняясь синтактике, внутренней логике обряда, его знаковый элемент в то же время может осуществить попытку выхода к реальному признаку предмета. Так, лексема *раёк*, прочитываемая в контексте дожинального обряда, имеет смысловой компонент *финальности, конечности* ('последний сноп', 'конец жатвы' и т.п.). Очевидно, данный компонент является одной составляющих концепта *рая*, существующего в народном сознании ("генеалогия" этого представления прозрачна: *рай* – свособразный финал жизни,

¹ Очевидно, слово произошло от *рай* по той же словообразовательной модели, что и *изумительный*.

² Возможно, данная дефиниция неточна, ср. контекст: *так девки поют, только рай идет*. Скорее всего, лексема *рай* здесь выступает в значении 'гул, шум, отзвук' (Даль IV, 56), представляя собой этимологический омоним к рассматриваемой нами лексеме (Фасмер III, 436).

“географически” рай соотносится с верхом, а образ верха связан с идеей конца, итога).

Таким образом, концепт рая многопланов: во-первых, он вмещает в себя представления о конкретных свойствах денотата, из которых наиболее важными являются следующие: яркость, многоцветность; тепло; расположение вверху; наличие деревьев. Вероятно, на базе этих концептуальных элементов появились оценочные смыслы мелиоративного характера (‘хороший’, ‘приятный’ и т.п.). Во-вторых, концепт содержит смысловой компонент, характеризующий психическое состояние человека, связанное с раем, который может быть определен как идея интеллектуальной неполноценности. Эта идея является трансформом христианских представлений о рае духовном, рае внутри человека. В-третьих, концепт включает абстрактный смысловой компонент финала, итога. Наконец, в состав концепта входит не поддающийся структурированию коннотативный смысловой компонент, который можно обобщенно определить как идею сакральности.

АД. Концепт ада, отраженный в достаточно обширном языковом материале, в меньшей степени детализован, чем концепт рая, что объясняется главным образом экспрессивным характером соответствующего представления.

1. Представление о свойствах ада.

А. *Впадина, провал*. Образ впадины, провала, поглощающего все, что туда попадает, мотивирует вторичное значение лексемы ад ‘глотка, рот, пасть, горло’ (СРНГ I, 203; ЛК СТЭ). Данная метафора, уподобляющая глотку аду (преисподней), вполне обоснована свойствами денотата; дополнительный аргумент в пользу существования такой образной связи предложен Б.А. Успенским, который считает, что у слова ад могло возникнуть значение ‘пасть’ под влиянием иконописных изображений ада в виде пасти огнедышащего змея (Успенский 1979, 59–63).

Рассматриваемая лексема стала базой для появления системы словообразовательных и семантических дериватов, основанных на двух смысловых доминантах: 1) *громкий крик*: ад ‘о громком голосе, о крикуне’ (СРНГ I, 203), *адить* (адить, адать) ‘кричать’ (СРНГ I, 206–207); ад *разорить* ‘выйти из себя, страшно рассердившись, наделать много шума, поднять всех на ноги’ (СРНГ I, 204)¹; 2) *обжора* → *жадный человек*: ад. *адиче*, ад *безданный* (*бран.*) ‘о ненасытном человеке, обжоре’ (СРНГ I, 203–204, 207), ад ‘о голодных домашних животных, которые тотчас съедают, что им предложат, и просят еще’ (СРНГ I, 204), *адик*, *адина* ‘об обжоре, жадном человеке’ (СРНГ I, 207), ад, *адя*

¹ Очевидно, первоначальное значение этой идиомы ‘разинуть рот’ → ‘раскричаться’, ср. контекст: *Як удирил ее дитенка, матка ад разорила* (СРНГ I, 204).

‘о жадном человеке’ (СРНГ I, 204, 207), *адать* ‘есть быстро и с жадностью’, *адить* ‘копить, жадничать, неумеренно употреблять что-либо; завидовать’ (СРНГ I, 207).

Однако нельзя исключить и другую возможность интерпретации лексемы *ад* ‘глотка’. Данное слово может представлять собой отглагольное образование от *адать* ‘есть быстро, с жадностью’ (ЛК СТЭ), *адить* ‘неумеренно потреблять что-л.’ (СРНГ I, 207). В свою очередь, глагол *адать*, по мнению А.К.Матвеева, является финно-угорским (коми) заимствованием и может быть сопоставлено с коми-перм. *адавыны*, *адалны* ‘жрать, сожрать’, коми-зыр. *аджны*, *аджалны*, *адгыны* ‘жрать, сожрать’ и т.п. (МДС).

Представляется, что при всей убедительной данной финно-угорской этимологии ею не следует ограничиваться при объяснении происхождения *ад* ‘глотка’ и всей приведенной выше словообразовательной парадигмы: такому ограничению препятствует широкая география элементов изучаемой парадигмы, выходящая за пределы зон контактов с коми (Иван., Костр., Самар., Тамб., Яросл. – СРНГ I, 203–207), а также разветвленная система значений, некоторые из которых выводимы скорее из *ад* ‘глотка’, чем из *адать* ‘жрать’ (ср. *ад* ‘о крикуне’ и др.). Можно предположить, что описанная парадигма представляет собой результат контаминации двух этимологических гнезд, базовый элемент одного из которых – лексема *ад* ‘глотка’ является метафорой, основанной на сопоставлении глотки и “пасти” ада, а другое связано с финно-угорскими данными.

Б. Локативные характеристики. Следует отметить, что представление об аде как локусе в языковом сознании носителей русского языка имеет весьма ощутимое национальное своеобразие. *Ад* понимается как болотистое топкое место, ср. в диалектной лексике: *ад* ‘непроходимая грязь’ (СРНГ I, 204), *адово дно* ‘топкое вязкое место по берегу реки’ (ЛК СТЭ). Это подтверждается топонимическими данными: “адовые” топонимы обозначают, как правило, сырые низины: бол. *Ад* (Арх: Прим; Вил; Вин), старица *Адовая Курья* (Арх: К-Б), бол. *Адово Болото* (Арх: Лен; Леш). Топонимический материал (мотивационные контексты) обнаруживает и более детальную прорисовку представления об аде как локусе: а) *мрачное, глухое место* – темное болото, страшное, как в аду (Леш, Родомы), *мрачное, страшное оно* (Леш, Вожгора), *топкое место, глухое* (Лен, Лена); б) *опасное место* – там очень много растет морошки, ходили туда и много несчастных случаев было. Там было как ад (Вил, Вилегодск); в) *отдаленное место* – *Ад* – самая дальняя пожня, 30 км от деревни, там самый дальний сюжеток, на болотине ко-сим (Прим, Лопшеньга).

Таким образом, локативная характеристика ада может включать в себя следующие смысловые компоненты: ‘топкий, сырой, грязный’, ‘мрачный, страшный’, ‘опасный’, ‘отдаленный’.

2. Характеристики человека (черты характера, поступки).

Лексемы, образованные от основы ад, нередко являются негативными характеристиками человека. Будучи экспрессивами, они обладают весьма размытой семантикой, поэтому выделение смысловых доминант осуществляется достаточно условно: а) *мерзкий, поганый*: *адова* 'о лукавом, мерзком человеке, звере и т.п.' (СРНГ I, 207), *адова* 'мерзость' (СРНГ I, 207), *адовить* 'осквернять, поганить' (СРНГ I, 208), *адожний* 'нечистый, мерзкий' (СРНГ I, 208); б) *негодяй*: *адовень* (*адовень*) 'негодяй, мерзавец' (СРНГ I, 208), *адесной* 'неисправимый, отпетый' (СРНГ I, 207), *адово* 'что-либо злое, нехорошее; скверно, подло, зло' (СРНГ I, 208); в) *коварный, злой*: *адовить* 'замышлять коварство' (СРНГ I, 208), *адожний* 'проклятый, злой, коварный' (СРНГ I, 208), *адова* 'о злом, коварном человеке' (СРНГ I, 207); г) *скупой*¹: *адида* 'о скупой, перяшливой женщине, скряге' (СРНГ I, 207), *адова́т* 'скупой, скарденный' (СРНГ I, 208); д) *невежественный, тупой*: *адовщина* 'темнота, невежество' (СРНГ I, 208), *адовские мужички* 'неповоротливые, ленивые, бестолковые' (СРНГ I, 208).

3. Общая негативная оценка.

Вторичные номинации на базе лексемы ад нередко имеют семантику общей негативной оценки, ср.: *адовщина* 'бранное слово' (СРНГ I, 208), *ад тя остані* 'бранное выражение, смысл неясен' (СРНГ I, 201), *а́дский* 'ужасный, невыносимый', 'доставляющий мучения, мучительный' (ССРЛЯ-2 I, 97). Экспансия экспрессивных коннотаций может привести к тому, что лексема *а́дский* практически теряет оценочность, выражая только семантику интенсивности, ср.: *а́дский* 'чрезвычайный, чрезвычайный' (ССРЛЯ-2 I, 97).

Таким образом, концепт ада может быть представлен следующим образом: ад напоминает развернутую пасть, поглощающую все, что туда попадает; ад является топким, мрачным, опасным, отдаленным местом, ад может связываться с негативной характеристикой человека, при этом "адовые" свойства – коварство, злоба и т.п. – проявляются через поступок, а не через состояние (показательно в этом плане сопоставление с концептом рая: через представление о рае могут быть охарактеризованы именно психические состояния). Оговоримся, что смысловой компонент, отражающий психические состояния, представлен в литературном языке, ср.: ад 'о мучительном душевном состоянии, нравственных страданиях' (ССРЛЯ-2 I, 87–88), однако этот мотив не разработан в русских народных говорах.

Следует отметить, что ментальный образ ада не содержит смысловых компонентов, отражающих идею сакральности, святости.

¹ Отметим, что значение 'скупой' может быть результатом развития другой семантической линии, в основе которой – образ "пасти" ада ('поглощающий' → 'жадный' → 'скупой').

Можно привести лишь один факт, косвенно свидетельствующий о религиозных коннотациях, связанных с одним из "адовых" топонимов: бол. Ад, находящееся в Приморском районе Архангельской области, входит в семантическую микросистему ур. **Молебское** – бол. **Проклятые** – бол. Ад. Ср. мотивационные контексты: *сначала Молебское – там молятся, в Проклятые потом идешь, потом Ад; на Ад пойдешь – у Молебского помолитесь, – так старики смеялись* (Прим: Лопшеньга). Связь Ад – **Молебское** актуализирует религиозное звучание топонима, однако эта связь, скорее всего, носит характер механического ассоциативного притяжения (ср. также указание *старики смеялись*, позволяющее говорить о "профанировании" идеи сакральности).

Итак, рассмотренный языковой материал обнаруживает различные возможности трансформации образов библейских пространственных объектов в сознании носителей русского языка. Только в одном случае наблюдается достаточно строгое соответствие исходного образа и представления, существующего в народном сознании, см. **Иордан** (однако даже здесь дальнейшая эволюция семантических дериватов направляется логикой метонимических переносов, обеспечивающей отход от первоначального представления).

В остальных случаях можно говорить о трансформации канонического образа, которая происходит под влиянием как внеязыковых, так и внутриязыковых факторов. Внеязыковыми являются факторы когнитивного и социокультурного плана. В результате их действия могут актуализироваться смысловые компоненты, которые были маргинальными или даже отсутствовали в структуре первоначального представления. Ср., например, мотив топкого, грязного места, входящий в концепт ада, мотив интеллектуальной неполноценности в составе представления о рае, мотив возвышенности в структуре образа Вавилона и др.

Что касается внутриязыковых факторов, то среди них ведущую роль играют процессы паронимической аттракции, под влиянием которых происходят смысловые сдвиги в структуре представления о Вавилоне (← **вилять**), Палестине (← **поле, паль, пластина, лепестина**).

Следует отметить, что топонимия и апеллативная лексика в какой-то мере различаются в плане отбора концептуальной информации. Не принимая во внимание естественные различия, связанные с денотативной спецификой топонимии (понятно отсутствие в ней названий, отражающих, например, психические состояния человека), укажем, что в топонимии могут быть задействованы нехарактерные для апеллативной лексики символические номинации (ср. **Елеон, Иерусалим, Синай, Голгофа**), не предполагающие тщательной номинативной разработки представления о свойствах объекта, но базирующиеся на самых общих представлениях о сакральном прототипе. Однако следует отметить, что символические номинации такого рода характерны, как показывает

наш материал, для номинативной деятельности монахов, которая, вероятно, несколько отличается от номинативной деятельности севернорусского крестьянства. Использование символических номинаций способствует проникновению в топонимию образов библейских географических объектов, которые в целом не разработаны народным сознанием.

Расширяя количественно и качественно (в тематическом плане) языковой материал, можно получить более развернутые выводы о закономерностях трансформации образов христианской религии в русской народной языковой среде.

Литература

Меркулова В.А. Рец. на кн.: Словарь вологодских говоров, А-Г. Вологда, 1983 // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1988–1990. М., 1993. С. 195–197.

Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII – начало XX века. Л., 1988.

Успенский Б.А. К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры: 1. Языческие рефлексy в славянской христианской терминологии; 2. Дуалистический характер русской средневековой культуры // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 59–63.

Т.Н.Дмитриева

Идолы и священные деревья в топонимии казымских ханты

В современной хантыйской топонимии Казыма, представляющей собою уникальный памятник языка, истории и культуры ее создателей, есть немало названий, связанных с религиозно-мифологическими представлениями ханты. Круг божеств, которым они поклонялись в далеком прошлом и которых почитают до сих пор (теперь – главным образом представители старшего поколения), очень широк: от самых сильных всеобщих богов до общинных, семейных, живущих “в каждом бугорке” духов-хозяев воды и леса, хранителей промысловых угодий.

Обращение к топонимическому материалу позволяет получить новые данные об именах некоторых хантыйских божеств и другую ценную информацию этнокультурного характера.